

Валерий Яковлевич Брюсов. Элули, сын Элули

Рассказ о древнем финикийце

I

Молодой ученый Дютрейль, уже обративший на себя внимание трудами по вопросу о головных уборах у карфагенян, и его бывший учитель, ныне – друг, член-корреспондент академии надписей, Бувери работали над раскопками на западном берегу Африки, в области французского Конго, южнее Майамбы. То была маленькая экспедиция, снаряженная на частные средства, в которой участвовало первоначально человек восемь. Однако большинство участников, не выдержав убийственного климата, уехало под тем или другим предлогом. Остались только Дютрейль, юношеский энтузиазм которого преодолевал все трудности, да старик Бувери, всю жизнь мечтавший принять участие в важных раскопках по своей специальности и в старости достигший этой цели, благодаря покровительству своего молодого друга. Раскопки были чрезвычайно интересны: никто до сих пор не полагал, что финикийские колонии распространялись так далеко на юг по западному берегу Африки, переходя за экватор. Каждый день работы обогащал науку и открывал новые перспективы на положение Финикии и ее торговые сношения в IX веке до Р. X.

Работа, однако, была крайне тяжелой. Из всех европейцев с Дютрейлем и Бувери оставался лишь их слуга Виктор, а все рабочие были местные негры из племени бавилей. Правда, было решено, что на смену уехавшим придут другие археологи и привезут с собой как рабочих-французов, так и новый запас необходимых инструментов, оружия и съестных припасов, а также письма, книги и газеты, которых Дютрейль и Бувери были давно лишены. Но день проходил за днем, а желанный пароход не являлся. Консервов становилось все меньше; пропитываться приходилось охотой, и Дютрейля – особенно тревожило истощение запаса патронов: в случае возмущения туземцев, которые уже становились непокорны и угрюмы, это могло грозить большой опасностью. Кроме того, жестоко страдали французы от климата и нестерпимого зноя, который доходил до того, что днем нельзя было прикоснуться к камню, не обжигая руки. Наконец, угрожала смелым археологам местная злокачественная лихорадка, которой уже подверглось в свое время несколько человек из числа уехавших членов экспедиции.

Дютрейль превозмогал все. Изю дня в день питался он мясом морских птиц, отзывавшимся рыбой, и пил тепловатую воду из ближнего источника, но держал в повиновении буйную толпу негров-рабочих и сам работал наравне с ними, да еще находил время по ночам составлять записки и подробный инвентарь добытым археологическим сокровищам. В маленькой хижине, построенной под защитой скалы, уже скопился целый музей изумительных вещей, пролежавших почти три тысячелетия в земле и теперь возвращенных миру, чтобы вскоре произвести целый переворот в финикологии. Напротив, Бувери, хотя ему всей душой хотелось не отставать от своего молодого друга, явно слабел. Старику труднее было бороться с лишениями и невзгодами. Не раз во время работ у него прямо падали из рук лопата или ружье, и он сам почти в беспамятстве опускался на землю. К тому же начались у Бувери приступы местной лихорадки. Дютрейль лечил его хиной и другими средствами, бывшими в походной аптечке, но силы старика все убывали: его щеки ввалились, глаза стали гореть нездоровым блеском, по ночам его мучили припадки сухого кашля, озноба, жара и бреда.

Дютрейль давно решил, что заставит своего друга, как только придет пароход, вернуться в Европу, но долгое время боялся заговорить об этом. Дютрейлю казалось, что старик непременно откажется – предпочтет, как ученый, умереть на своем посту, тем более что в последние дни часто заговаривал о смерти. Однако, к удивлению

Дютрейля, Бувери сам завел речь об отъезде, сказав, что, по-видимому, им придется расстаться, что как ни горько ему покидать начатое дело, но болезнь принуждает его уехать, чтобы умереть в родной Франции. В глубине души Дютрейль был почти оскорблен последним замечанием старика, который суеверное желание – быть на родине в минуту смерти – мог предпочесть высокому интересу научным изысканиям; но, объяснив это болезненным состоянием Бувери, одобрил, конечно, решение друга и сказал все, что в таких случаях полагается: что лихорадка не так опасна, что она пройдет с переменной